

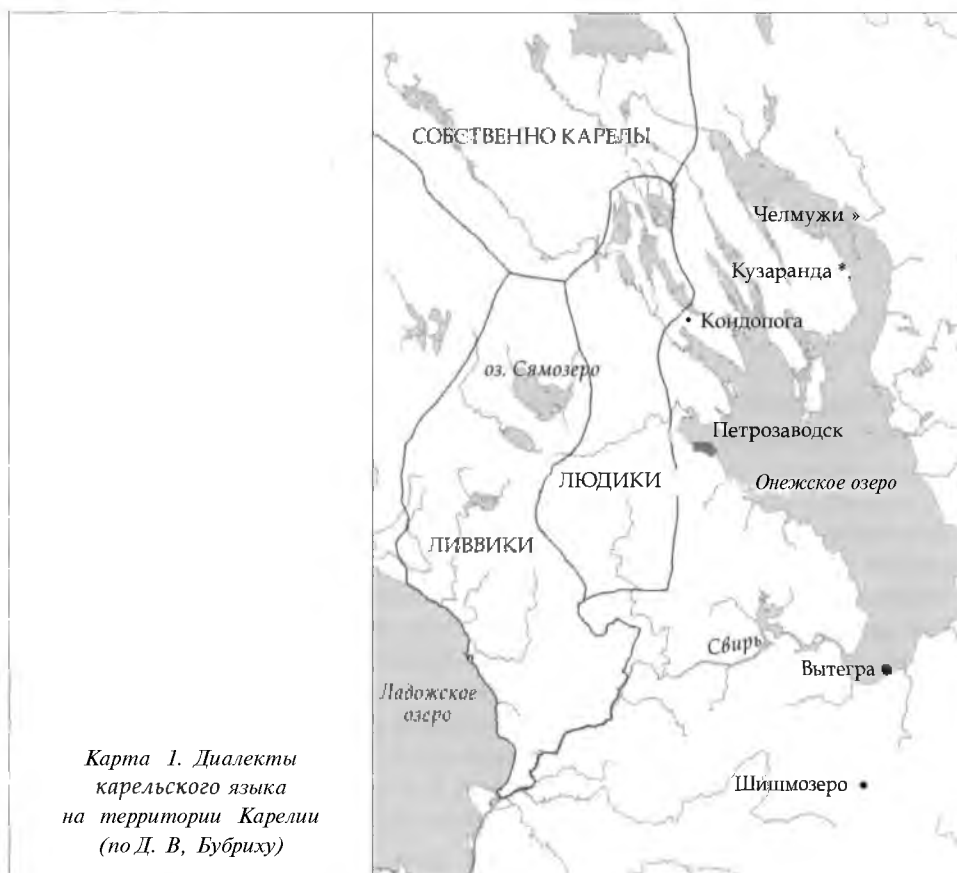
И. И. Муллонен, Н. Н. Мамонтова

**ТОПОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО СЯМОЗЕРЬЯ**

Сямозеро с округой лежит на границе Приладожья и Обонежья. По его восточной окраине проходит ливвиковско-людиковский рубеж, а в непосредственной близости от западного берега — граница, отделяющая ливвиковский языковой ареал от собственно карельского (карта 1). С севера подступают собственно карельские деревни бассейна Суны. Лишь на юге граница носит более размытый характер. Восточное Приладожье и Сямозерье составляют единую в языковом плане, хотя и имеющую свою говорную специфику на каждом участке, зону. Пограничное расположение Сямозерья фиксируется уже в административном делении XVI века, в соответствии с которым оно размещалось на границе Карельского уезда, Лопских и Заонежских погостов, на самой северной окраине Олонецкого погоста. Видимо, с одной стороны, такое расположение отражало определенную этноязыковую особенность Сямозерья на тот период, с другой — способствовало дальнейшему языковому и культурному обособлению этой территории.

Когда и как, в результате каких исторических и этнических процессов сложилась территория Сямозерья? Ответы на эти вопросы следует искать на пересечении данных целого ряда наук, среди которых и топонимика — наука о географических названиях. Использование топонимов в решении проблем истории, особенно истории определенной территории, связано с двумя их очевидными особенностями: устойчивостью во времени и четкой привязкой к территории. Анализ топонимов позволяет реконструировать исторические границы территории на разных этапах ее колонизации. Это дает возможность проследить, как, по каким путям происходило освоение территории Сямозерья карелами, откуда и как сюда проникало вепсское влияние. Топонимия сохраняет также следы саамской истории Сямозерья.

Саамское прошлое территории просматривается, прежде всего, в некоторых гидронимах — названиях озер и рек, которые в силу их активного использования и широкой известности сохранились на протяжении длительного времени. Правда, за долгую жизнь они подвергались многократным изменениям, особенно в зонах интенсивного контактирования и при смене одного населения другим. Поэтому расшифровка древних гидронимов вызывает

много сложностей и лишь немногие из них поддаются анализу. Вряд ли количество саамских названий на территории Карелии ограничивается теми 800 названиями, о которых вслед за В. Лескинем [4, с. 79] неоднократно упоминают исследователи. В Сямозерье саамские истоки имеют *Нялмозеро* (карел. *Nälmärvi*): саам. *njal'bme* 'рот; устье реки'; *Кукозеро* (карел. *Kukarvi*): саам. *guk'ke* 'длинный, долгий'; *Вожозеро* (карел. *Vuožarvi*): саам. *гаос'со* 'длинное узкое болото' и др. Не исключено, что в ряд саамских названий входит и Сямозеро. В карельском оригинале *Siämärvi* второй компонент *-arvi* является усеченной формой термина *jarvi* 'озеро'. При интерпретации же первого компонента следует исходить из того, что выступающий в первом слоге дифтонг *-iä-* восходит к долгому гласному *-aa-*, что дает формальные основания сопоставлять топооснову (*sääm-*) с этнонимом **саам** в его праязыковом виде **šāmä*. Такое сопоставление имеет определенную традицию в лингвистической литературе. Не исключено, впрочем, что речь может идти о фонетической особенности местного сямозерского саамского говора или диалекта, в котором, как, например, в ряде современных восточных саамских диалектов, выступал долгий *aa*: *säämi* (Инари), *säämm* (Колтта) 'саам(ский)' [12, з. 120–121]. При всех вопросах, которые остаются, предложенная этимология привлекает тем, что в ней отражается универсальная для топонимии ситуация появления отэтнонимных географических названий на границах рассе-

Озеро Сямозеро у д. Сямозеро. Фото И. Гришиной, 2001 г.

ления этносов и этнических групп. Если предлагаемая расшифровка верна, то это значит, что Сямозеро имело пограничный характер уже на этапе саамского освоения территории.

Саамское прошлое восстанавливается и для *Шотозера* (*Sod'därvi*, *Sod'därvi*) — названия другого большого озера Сямозерья. В писцовых материалах XVI века *Шотозеро* названо *Шондозером*, а река Шуя как выше, так и ниже озера, — рекой *Шондой* (*Шойдой*) или *Шондорой*. Процесс постепенной нивелировки звука *n* в сочетании *nd* проходил и в других сямозерских топонимах, примером чему может быть название озера *Иматозеро*, которое известно в карельских вариантах *Imad'därvi* и *Imand'järvi*. Отголоски прежнего фонетического облика топоосновы сохранились, возможно, и в названии деревни *Соддер*, которая располагается на западном берегу Шотозера, при впадении в него реки Шум (исторической Шонды или Шондоры). В топониме, видимо, произошла ассимиляция сочетания *na* в *dd*. Первоначально название могло иметь вид *'Sondär* (ср. Шондора в писцовых книгах) < *'Sondjärv(i)*, т. е. Шондозеро.

Поиски же этимологических истоков топонима *Шотозеро* выводят на саамское прошлое региона. И в Карелии, и на смежной территории Присвирья бытует целый ряд названий озер и рек с основой *sond-/сонд-* и ее фонетическими вариантами: *Сонда*, *Сондозеро*, *Сундозеро*, *Сондала*, *Suontale*, *Suonnarvi* и др. [6, с. 260–268]. Всем им свойственна единая географическая характеристика: озера пронизываются, «прорезываются» рекой, а реки, соответственно, протекают через озеро. Географическая характеристика позволяет искать истоки топонимов в древней саамской (прасаамской) глагольной основе *'sönte* — «разрезать, прорезать» [12, s. 126]. Положение географического объекта внутри водной системы часто отражается в гидронимах, так что с точки зрения принципов называния предлагаемая интерпретация вполне оправдана. Географическое положение Шотозера как озера, через которое протекает река Шуя (Шонда в старых источниках), вписывает озеро в приведенный выше

Озеро Шотозеро у д. Каменьнаволоок. Фото И. Гришиной, 2001 г.

ряд. Очевидно, Шотозеро с протекающей через него рекой Шондой воспринимались как некий единый ареал, о чем косвенным образом может свидетельствовать название *Улялега* (карел. *Yläleg*) — деревня на западном побережье Шотозера (Лялеская волость в писцовых книгах), за которым позволительно видеть прибалтийско-финский оригинал *Yläjogi* 'Верхняя река' с происшедшей позднее ассимиляцией.

Саамские истоки не исключаются и за пределами гидронимии. Существует, к примеру, попытка связать ойконим *Корза*, карел. *Korza*, с саам. *kor'sa* 'глубокая впадина, русло, на дне которого протекает ручей или река' [4, с. 82–83]. В свою очередь, историческое, закрепившееся в материалах писцового дела название острова *Eloisuari* 'Жилой остров' как остров Кава может содержать в основе саам. 'kåve' 'изгиб, поворот', которое не только активно используется в современных саамских говорах [12, с. 46–47], но и было заимствовано в виде *каава*, *каави* 'широкий, неглубоко вдающийся в сушу залив' в говоры северной Финляндии [13, с. 339]. Термин закрепился в ряде топонимов на территории северо-восточной Финляндии. Использование его в названии большого острова у северного побережья Сямозера могло быть вызвано формой острова.

При исследовании саамской субстратной топонимии намечаются, кажется, некоторые детали, позволяющие обозначить языковые особенности того саамского говора или диалекта, который бытовал в Сямозерье. Показательным в этом смысле оказывается название расположенного в северном Сямозерье *Эльмитозера*. Для выявления его истоков важны два обстоятельства. Во-первых, оно объединяется в одном ряду с озерными наименованиями центральной Карелии, среди которых озера *Эльмус*, *Эльмисъярви*, *Эльмюдъярви* (карел. *Elmyddjärvi*) и др. Во-вторых, всем им присуща общая географическая особенность: они являются верхними, замыкающими в цепи озер, т. е. располагаются в самых верховьях, истоках водных системы. На этом основании позволитель-

но реконструировать в топооснове древнее саамское прилагательное *elē 'верхний', выступающее в форме превосходной степени *elēmus 'самый верхний'. Некоторый фонетический разнобой в конечном элементе топоосновы вызван адаптацией к карельскому употреблению. Судя по качеству начального гласного топоосновы, тот саамский диалект, который бытовал в Сямозерье, близок к позднепрасаамскому языковому состоянию [10, 8. 79]. В связи с этим стоит упомянуть, что в восточных саамских диалектах колтта и кильдинском отодвинутый назад *e* сохранился до сегодняшнего дня* хотя в большинстве диалектов развитие продвинулось на шаг дальше, т. е. *e>a [10, s. 83]. Между тем южнее, в Присвирье, топооснова выступает в раннепрасаамском языковом состоянии и воплощается в топонимах *Ильмас, Ильмаза, Ильмож* [6, с. 232, 234].

Позднепрасаамский *e* отразился, видимо, еще в одном сямозерском гидрониме — названии озера *Petusjärvi* на западном побережье Сямозера. Озеро прилегает сбоку к реке Кивач, соединяясь с ней короткой протокой, что дает основания реконструировать в основе прасаамское *pete 'зад, задний' [12, с. 96], которое, в свою очередь, в Присвирье выступает в более раннем облике с гласным *i, ср. озеро *Питозеро* (вепс. *Pit'arv*), река *Пить* и некоторые другие.

Еще одна фонетическая особенность того саамского языка, который бытовал некогда в Сямозерье, отразилась в озерном наименовании *Оскозеро* (*Oskarvi*) в окрестностях деревни Лахта. Оно, видимо, восходит к саамскому *vuosko* (или более раннему праязыковому *vōsk-) 'окунь'. Возможно, вовсе неслучайно соседнее с Оскозером озеро носит название *Ahvenjärvi* 'Окуневое озеро'; речь может идти о переводной кальке. В Присвирье же данная топооснова представлена в более раннем фонетическом облике *ask- с инициальным *a, отразившемся в присвирских *Азгозеро* (*Azgužjäv*), *Ашкыса* или *Вашкыса* и некоторых других.

Такое ареальное членение дает основание предполагать, что в период древней саамской истории Присвирье, с одной стороны, и Сямозерье с прилегающими к нему с севера районами — с другой, были несколько разными языковыми и, возможно, также культурными ареалами.

В то же время топооснова *elē 'верхний', представленная в Сямозерье, а также на прилегающих территориях, в том числе и в восточной Финляндии, неизвестна современной саамской топонимии, которая использует для выражения идеи '(самый) верхний водный объект' саамскую лексему *badji*, не законсервировавшуюся в древней саамской топонимии на территории Финляндии [8, s. 101] и, добавим, Карелии. Тот саамский, точнее, прасаамский диалект, который бытовал в Сямозерье, характеризовался, таким образом, своими особенностями и в фонетике, и в лексике.

УСТОЙЧИВЫЙ пласт древних саамских топонимов в Сямозерье — свидетельство происходивших в прошлом контактов местных саамов с пришлым прибалтийско-финским населением. Только в этом случае саамская топонимия

* Ср. в связи с этим предложенную выше этимологию Сямозера, которая также опирается на данные восточных саамских диалектов.

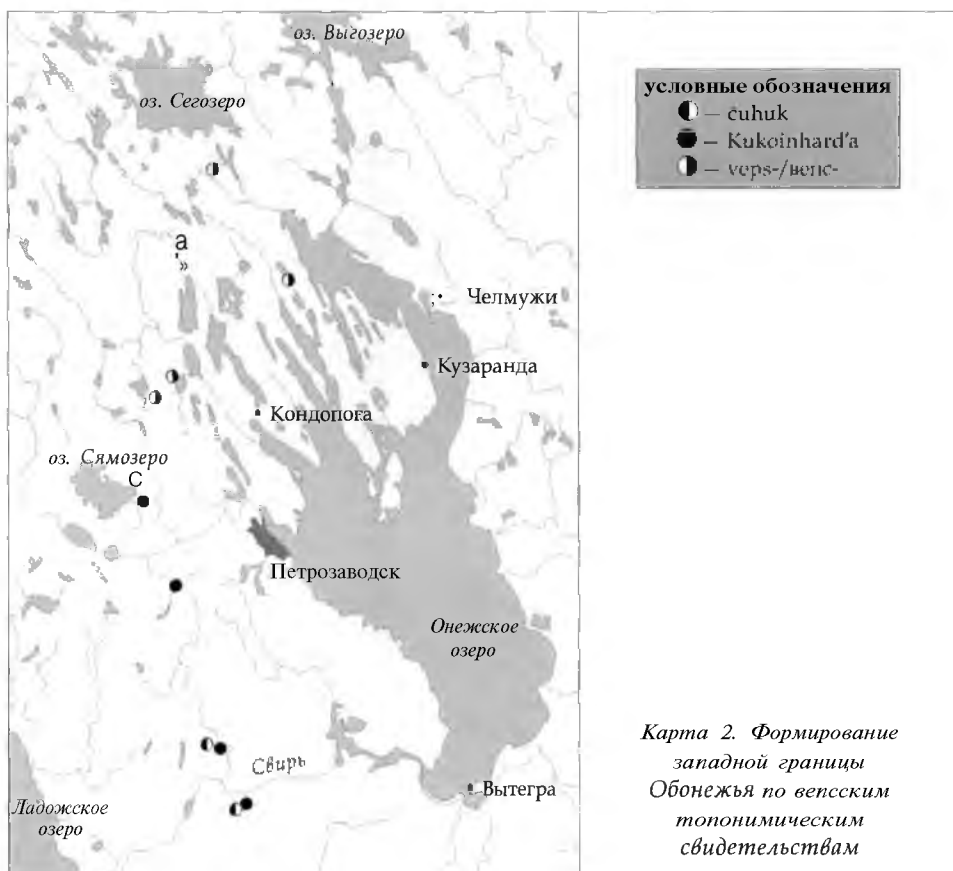
могла сохраниться в этом районе до наших дней. К сожалению, явно недостаточное, находящееся на начальном этапе исследование субстратной топонимии Карелии не позволяет говорить о характере этих контактов, их хронологии, а также о том, какой прибалтийско-финский коллектив — карельский или вепский — был участником этих контактов.

Вопрос о конкретном прибалтийско-финском языковом коллективе возникает не случайно. Карело-вепское контактирование — одна из наиболее интересных этноязыковых проблем Сямозерья. Несмотря на то что существуют некоторые лингвистические доказательства былого присутствия вепсов на Онежско-Ладожском перешейке и участия их в формировании языка южной Карелии, в механизме контактирования, его ареале, хронологии, интенсивности на разных участках много неясного. Топонимические критерии до сих пор не использовались в ряду других лингвистических материалов для прояснения данных вопросов. Этому есть свои причины. Топонимические критерии не всегда эффективны, когда выявляются ареалы близкородственных в языковом отношении коллективов. В связи с этим уместно будет напомнить слова Д. В. Бубриха: «Топонимика... к сожалению, не дает нам в желательном количестве справок насчет Веси. Дело в том, что в древности специфичность речи Веси была выражена относительно слабо и вепского происхождения названия в громадном количестве случаев невозможно распознать как такового» [2, с. 12].

Ситуация в Сямозерье осложняется вдобавок тем, что речь идет не просто о близкородственных языках, а о вхождении одного составной частью в другой: вепский был здесь по общему представлению исследователей истории формирования ливвиковского и людиковского наречий карельского языка перекрыт и поглощен карельским. Топонимная лексика, т. е. слова, наиболее активные в топонимообразовании, восходят в массе своей к словарному фонду, общему для всех прибалтийско-финских языков, и, следовательно, не обладают способностью дифференцировать языковые коллективы. Это чрезвычайно ограничивает диапазон надежных топонимных основ-меток, свойственных исключительно вепской или исключительно карельской топонимическим системам. Сказанное относится и к топонимным формантам, набор которых в целом един для карельской и вепской топонимии. Фонетические критерии тем более малопоказательны: топонимы, воспринятые пришлыми карелами у вепсов, легко подстраивались — в силу родственности топонимических систем, использования ими этимологически единых топонимических основ и формантов — под фонетическую систему местных карельских говоров.

Вместе с тем даже ограниченные возможности делают из топонимии ценнейший источник этноязыковой истории, ибо географические названия, привязанные к карте, способны реконструировать ареалы распространения определенных языковых явлений в прошлом, пути проникновения отдельных моделей на искомую территорию, а в некоторых случаях и хронологию этих событий.

Анализ топонимических основ позволяет выявить модели, ареал которых не распространяется на все Сямозерье, а представлен только на его восточной окраине.

При этом они имеют вепские корни (карта 2). Среди них метафорическая модель *Kukoinhard'a*, буквально 'петушиный гребень', активно используемая в вепской топонимии для названия возвышенных участков местности и нехарактерная для карельской топонимии Онежско-Ладожского перешейка. Картографирование свидетельствует, что она распространяется со Свири на север через реку Важинку, пересекает реку Шулу, представлена на восточном побережье Сямозера и далее в низовьях Суны. Примерно такой же путь из Присвирья на север маркируют топонимы, в которых закрепился вепский ландшафтный термин *siipi* 'холм, гора, возвышенность'. На восточном берегу Сямозера он закрепился в наименовании мыса *Чуйнаволок*, карел. *Siiniemi* или *Siiniemi* (исторически **Siiniemi*).

Эти и некоторые другие вепские топонимные модели привязаны к тому древнему водно-волоковому пути, который шел из Присвирья через низовья Шуи и Суны в Заонежье и Беломорье. Очевидно, он на протяжении долгого времени обеспечивал проникновение вепского этнического компонента на север, продолжая действовать и в период активной карельской экспансии на восток [6, с. 171–172]. Об этом свидетельствует сам характер вепских топонимов, сгруппировавшихся вдоль пути. Это микротопонимы с хронологически поздними истоками.

Деревня Корбинаволоок. Фото И. Гришиной, 2000 г.

Путь со Свири в Заонежье и Беломорье выходил на низовья рек Шуи и Суны и служил своего рода препятствием для ровного поступательного карельского продвижения вниз по этим рекам. Очевидно, именно столкновение продвигавшихся вдоль названных путей карельского и вепсского населения и сформировало ливвиковско-людиковскую границу, проходящую в непосредственной близости от восточного побережья Сямозера.

Топонимия содержит определенные указания на вепсское наследие в северном Сямозерье. Хотя географически здешние ливвиковские поселения (Сяпчезеро, Мярэндукса, Вендеры, Фоминнаволоок, Титнаволоок, Ватчела, Вохтозеро и др.) привязаны к бассейну нижней Суны, языковая ориентация имеет сямозерское направление. Здесь при абсолютном господстве топонимов с карельскими языковыми истоками высвечиваются некоторые разрозненные вепсские следы. К примеру, в окрестностях деревни Титнаволоок фиксируется два топонима, в которых закрепилась этнонимная основа, обозначающая вепсов: *Vepsänpolvi*, букв. 'Вепсское колено' и *Vepsänmoa* 'Вепсская земля'. Они локализируются в непосредственной близости от ливвиковско-людиковской границы, что как раз и характерно для этнонимических топонимов, и подтверждают прочную генетическую связь людиковского этнического компонента с вепским.

В топонимии северного Сямозерья присутствует ряд признаков, сближающих ее с людиковской. В качестве примера можно отметить бытование здесь специфического людиковского термина **rauni** 'небольшой сенокос в лесу' (в топонимах *Heinüselg-rauni*, *Rahna-rauni*, *Raum*, *Peđzoirauni*, *Pertojanrauni*) или наличие топонимов с элементом **purde** 'родник, ключ*', для которых обнаруживаются параллели на людиковской территории. Наличие черт, объединяющих топонимию северного Сямозерья с людиковской, может иметь двоякую природу: как отражение древнего вепсского наследия, присутствующего на этой территории, так и значительную активность северных людиков, связанную

* При этом известно, что лексема является в людиковском языке вепским наследием.

Деревня Нинисельга. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

с металлургическим производством, развернувшимся в северо-западном Обонежье в XVI—XVII веках. Известно, что диалектологическое влияние северных людков ярко ощущается среди всех собственно карел старого железо-промышленного района [1, с. 379]. Сравнивая диалектные записи начала и середины XX века по среднему и верхнему течению Суны, т. е. территории, непосредственно примыкающей к северному Сямозерью, Д. В. Бубрих приходит к выводу о заметном продвижении языковой людизации за 50 лет.

Таким образом, анализ топонимии Сямозерья позволяет наметить в ней некоторые факты карело-вепского противостояния в топоосновах, топонимных моделях или типах, проявляющегося в восточном и северном Сямозерье, где вепские и связанные с ними людиковские признаки имеют относительно позднее происхождение. Реконструировать более раннее вепское наследие, связанное с формированием ливвиковской языковой среды, не удастся — в силу значительной генетической близости карельской и вепской топонимии.

Карельская по своим истокам топонимия Сямозерья не содержит ярких признаков, отличающих ее от топонимии смежных территорий. Приходится констатировать, что набор основных моделей — типовой. Как и на соседних карельских территориях, поселения названы по тем географическим объектам, в зоне притяжения которых они находятся.

Поскольку поселения располагались при водоемах, в карельских названиях поселений часто фигурируют слова, обозначающие как сам водоем (järvi, dārvi 'озеро', lambi 'лесное озеро'), так и его части (lahti 'залив', salmi 'пролив', niemi 'мыс, наволок, полуостров', saari 'остров'): Ahvenlambi (Ахвенламби) 'окуневая ламба', Salmenniški (Салменица) 'начало пролива', Korbiniemi (Корбинаволок), где korbi 'глухая чаща', Kangaslahti (Кангаслахта), kangas 'бор'; Särgilahti (Сяргилахта), särgi 'плотва'. Заселялись и возвышенные места — сельги (кар. selgy), горы (кар. mägi), названия которых также переносились на поселения, возникшие при них: Niiniselgy (Нинисельга), piini 'липа'; Vehkuselgy

Деревня Вехкусельга. Фото И. Гришиной, 2000 г.

(Вехкусельга), *vehku* 'трилистник, вахта трехлистная'; *Moaselgy* (Масельга), *moaselgy* 'возвышенность, хребет, водораздел между разными водными системами'; *Luhtanselgy* (Лухтансельга), *luhtu* 'лужа'; *Ravanmägi* (Равангора), *ga* (в род. падеже — *ravan*) 'грязь'.

В Сямозерье есть пара деревень, в названиях которых закрепился ландшафтный термин *vuaga* 'гора, поросшая лесом'. Однако для Сямозерья данный тип является маргинальным (как, впрочем, и для более южных районов Олонецкого перешейка), особенно на фоне смежной территории Северного Приладожья, где, наоборот, модель топонимов с элементом *-vuaga* исключительно продуктивна. По данным картотеки топонимов Суоярви, хранящейся в топонимическом архиве Финляндии, отмеченная модель представлена в Суоярвской округе сотнями топонимов — как названиями природных объектов, так и наименованиями поселений. При этом, судя по употреблению, термин *vuaga* выступает равнозначным синонимом термину *selkä* (ср. в Сямозерье *selgy*).

Видимо, противостояние Сямозерья и Северо-Восточного Приладожья вызвано в данном случае поздним проникновением термина *vuaga* на восточную окраину Северного Приладожья. Во время массового распространения карел из Приладожья на восток он еще не был продуктивен, вследствие чего на Сямозере он практически неизвестен. Наоборот, севернее, на Суне и особенно к северу от нее, в Сегозерье, слово *vuaga* закрепилось во многих десятках топонимов [ср. 7, с. 29]. В контексте вышесказанного такая ареальная дистрибуция связана, очевидно, не столько с ландшафтными особенностями (учитывая идентичность терминов *vuaga* и *selkä* в Северном Приладожье), сколько с несколько разными по времени и содержанию потоками освоения, проникавшими из Приладожья, с одной стороны, на Олонецкий перешеек и его северную окраину Сямозерье, с другой — в Сегозерье.

С олонечкой топонимией, а также с топонимией Суоярви систему ойконимов Сямозерья объединяет значительная продуктивность названий по-

селений, оформленных специальным суффиксом -I, -ли, имеющим местное значение: *Ahpõilu* (Ахпойла), *Kibroilu* (Кибройла), *Lumbil* (Лумбила), *Pavõõilu* (Павшойла), *Padroilu* (Падройла), *Prokkoilu* (Проккойла), *Hoõkil* (Гошкिला), *Huroilu* (Хуройла). Вокруг Вешкелицы сгруппировались деревни: *Miinoilu* (Минойла), *Närhil* (Няргил), *Niikkoilu* (Никкойла), *Makkoilu* (Маккойла), *Pappil* (Паппил), *Voacçal* (Ваччал), к Эссойле (*D'essoilu*) тяготеют деревни *Kiškoilu* (Кишкойла), *Kožoilu* (Кожойла), *Kurmoilu* (Курмойла), *Pulõõilu* (Пульчойла), *Uhmõilu* (Угмойла), *Ahoilu* (Ахойла), *Markkel* (Маркелица), *Zan'kil* (Занкелица) у Салменицы.

Впрочем, модель практически не выходит за восточную границу Сямозерья, в людиковский ареал. Если судить по территории ее бытования, можно предполагать, что на том хронологическом этапе, когда модель была продуктивной, Сямозерье входило в один ареал с Олонцом и Суоярви (восточное и северо-восточное побережье Ладожского озера), однако отделялось от территорий, располагавшихся к востоку от него.

Когда это могло происходить, иными словами, когда -I-овая модель была популярной на Сямозере? Обращение к письменным свидетельствам говорит о том, что она, в принципе, могла бытовать здесь уже в XVI веке, поскольку некоторые из современных названий поселений с -I-овым суффиксом зафиксированы уже тогда, правда, в русском варианте (на *Кожине*, *Курмой-на-волок*, *Кяргин-наволок*), что не гарантирует их -I-овых истоков. В этот же ряд входит и *Эссойла*, которая в писцовых материалах конца XVI века значится как деревня «На Сямо-озере Безсуньевых, а **Есуева** тож».

В XVII веке появляются деревни *Кижково* (соврем. Кишкойла?), а также Угмолагора. Последнее название особенно важно, поскольку оно может уже значительно более убедительно, чем предшествующий ряд примеров, подтверждать функционирование -I-овой модели на Сямозере в то время. Отметим в связи с этим, что аналогичные материалы XVII века по восточной окраине Кексгольмского лена, граничившего на западе с Сямозером, однозначно свидетельствуют о популярности данной ойконимной модели в то время на этой территории. К сожалению, отсутствие массовых исторических материалов по более раннему времени не дают возможности установить точнее нижнюю границу модели ни в Северном Приладожье, ни на Олонецком перешейке.

Вообще хронология ойконимов, образованных по -I-овой модели, в разных прибалтийско-финских языках и на разных прибалтийско-финских территориях различна. В контексте нашего исследования важно принимать во внимание, что в то время как вепсская модель уже сравнительно рано (возможно, к XV–XVI векам) утратила свою активность, карельская, наоборот, лишь после XV века приобретает популярность, а наибольшей продуктивности достигает в конце XVIII — начале XIX века. Этот вывод сделан на основе анализа документального материала применительно к территории Северо-Западного Приладожья [11, 8. 233]. Видимо, он может в целом быть применен и к более восточным районам карельского освоения, в частности к Сямозерью. Это объясняет наличие значительного числа -I-овых ойконимов среди названий поздних по времени возникновения поселений.

В то же время надо учитывать, что модель, видимо, маркирует места массового, залпового освоения территории прибалтийско-финским этносом. Данный факт подтверждает анализ вепсской топонимии [5, с. 122–124], это достаточно убедительно просматривается и в карельской ойконимии, в частности в Сегозерье, где ареал -l-овых ойконимов совпадает с местами сформировавшихся в результате залпового карельского заселения кустов или гнезд поселений [7, с. 25]. Такой механизм объясняет отсутствие топонимов с -l-овым формантом на людиковской территории, карельское население которой формировалось в результате постепенного проникновения карельского этнического компонента в вепсскую языковую среду. В данном контексте активность -l-овой ойконимной модели в Сязозерье может свидетельствовать о массивном карельском освоении.

Для выявления хронологических рамок бытования модели важно понять также ее генезис. Модель широко представлена и в других прибалтийско-финских топонимических системах — в финской, эстонской, вепсской и др., при этом везде она появлялась первоначально как наименование дома по имени (прозвищу, патрониму) владельца. По мере разрастания однодворного поселения название распространялось на все поселение. Такова же, по всей видимости, была ситуация и в Сязозерье, где, между прочим, вплоть до XX века сохранилась традиция использования модели с конечным элементом -l/-li в наименованиях домов. В лексической картотеке Э. В. Ахтия, самого известного собирателя лексики Сязозерья начала XX века, сохранилось около 20 наименований домов, образованных по данной модели [3, с. 13].

Сейчас модель уже практически забыта. Поиски этимологических истоков наименований многих сязозерских деревень с концовкой -l/-li однозначно говорят о том, что первоначально они были названиями домов (однодворных деревень), в которых сохраняется память об их основателях. В них выступают христианские личные имена, усвоенные и переработанные карелами в соответствии с нормами их языка. Из сязозерских ойконимов к этой группе относятся такие, как: Ахпойла — *Ahpõilu* (кар. ЛИ* Ahpoi — рус. Агапий или Афанасий), Арькойла — *Arkoilu* (кар. ЛИ Arku — рус. Аркадий), Маккойла — *Makkoilu* (кар. ЛИ Makko — рус. Маковой или Мокей), Павшойла — *Pavšõilu* (кар. ЛИ Pavšoi — рус. Павел), Хошкойла — *Hoškoilu* (кар. ЛИ Hoško — рус. Осип), Миккелица — *Mikkil* (кар. ЛИ Mikki — рус. Михаил), Глимойла — *Gliimoilu* (кар. ЛИ Gliimoi — рус. Клим), Кибройла — *Kibroilu* (кар. ЛИ Kibro — рус. Киприан), Нехпойла — *Nehpoilu* (кар. ЛИ Nehpoi — рус. Нефед), Пеккила — *Pekkil* (кар. ЛИ Pekki — рус. Петр), Тимойла — *Timoilu* (кар. ЛИ Timoi — рус. Тимофей), Проккойла — *Prokkoilu* (кар. ЛИ Prokko(i) — рус. Прокоп(ий)), Сысойла — *Sissoilu* (кар. ЛИ Sissoi — рус. Сысой), Фадела — *Fadil* (кар. ЛИ Fadil — рус. Фаддей), Федула — *Fedula* (кар. ЛИ Fedul — рус. Федул), Эссойла — *Jessoilu* или *D'essoilu* (кар. ЛИ Jessoi (D'essoi) — рус. Ефим).

Немало среди -l-овых ойконимов названий поселений, образованных от карельских дохристианских и нехристианских личных имен или прозвищ, например Кишкойла — *Kiškõilu* (кар. kiiškoi 'ерш', слово использовалось

* Личное имя.

Деревня Кишкойла. Фото Б. Бойцова, 1979 г.

для обозначения непокладистого, ершистого человека), Няргил — *Närhil* (кар. *närhi* 'сойка'), Рубчейла — *Rubčoilu* (кар. *rubčoi* 'рубец, шрам', а также 'морщина', ср. рус. фамилию Рубцов), Курмойла — *Kurmoilu* (кар. *kurmoi* 'обжора') и др.

Видимо, немало подобных личных имен кроется в тех простых первичных ойконимах на -l/-li, которые пока плохо поддаются этимологизации. Среди них Кожойла — *Kožoilu*, Клещейла — *Kleššoilu*, Угмойла — *Uhmoilu*, Чуккойла — *Čukkoilu*, Занкелица — *Zan'kil*, Гюмела — *Hume l* и т. д.

Итак, карельская модель ойконимов с -l-овым суффиксом бытовала в Сямозерье, видимо, уже в XVI веке (а, возможно, и раньше). То, что она использовалась здесь в наименованиях домов еще в начале XX века, свидетельствует о ее достаточно продолжительной продуктивности. При этом в употреблении модели намечается некоторое ареальное противостояние северо-западного Сямозерья, где ойконимы на -l малоупотребимы, остальной территории. Видимо, этот довольно глухой, удаленный от основных водных магистралей район Сямозерья осваивался первоначально по преимуществу как промысловая территория, что приводило к тому, что в качестве наименований поселений здесь закрепились наименования природных объектов.

Если попытаться определить общий фон топонимии Сямозерья, то на первый план выходит обилие отантропонимных географических названий, т. е. образованных от имен, прозвищ, фамилий. Это наименования поселений, сельскохозяйственных угодий, лесных участков, берегов водоемов и т. д. Данное свойство — свидетельство активного сельскохозяйственного освоения территории. Именно при таком освоении рождаются в изобилии отыменные названия мест. Подтверждение высказанному положению обнаруживается во множестве и в микротопонимии Сямозерья, в которой закрепились многочисленные термины подсечного земледелия: *Mañžoi/rajakko* (*rajakko* 'заброшенная лесная пашня, подсека'), *Heini/huuhtu* (*huuhtu* 'подсечное поле'),

Halmehen/niitüd (halmeh 'подсека, пожар'), *Küvon/niitüd* (küdü 'пожог'), *Vierdien/niitüd* (vierdiä 'жечь, палить подсеку'), *Palatekset* (palatez 'пожог в лесу'), *Kaskeksen/suo* (kaskes 'подсека, подготавливаемая для пала') и др.

Обобщая ту информацию этнокультурного характера, которую можно извлечь из предложенного анализа топонимии — с учетом того, что сбор и исследование ее продолжается и многие загадки остаются еще неразгаданными, следует, во-первых, обратить внимание на некоторые топонимические факты, указывающие на пограничный характер Сямозерья на протяжении всего II тыс. н. э. Топонимия дает основания полагать, что язык здешнего саамского населения был несколько иным, чем в прилегающем с юга Присвирье, более приближен в фонетическом плане к современным саамским восточным говорам. Идею некой границы несет, возможно, и сам топоним *Сямозеро*. Пограничность Сямозерья на карельском этапе его истории просматривается в ареальной характеристике -l-овой ойконимии, которая, как было показано выше, практически не выходит за восточные пределы этой территории. Собственно, восточная граница бытования модели совпадает с проходящей к востоку от Сямозерья ливвиковско-людиковской границей, образование которой на этом участке связано с водно-волоковым путем из Присвирья на север, использовавшимся длительное время вепсами. Именно с ним связаны некоторые вепские микротопонимы на восточном берегу Сямозера.

Одна из наиболее сложно доказуемых на материале топонимии проблем — это наличие на Сямозере вепского пласта названий. И это при том, что история формирования ливвиковского диалекта, бытующего на Сямозере, однозначно доказывает участие в его образовании мощного вепского компонента [9]. Причина кроется в значительной идентичности близкородственных вепской и карельской топонимических систем, в результате чего вепские названия с легкостью поглощались ставшей на определенном этапе развития Сямозерья господствующей карельской системой называния. Они бесспорны лишь на востоке Сямозерья, где по упомянутому пути из Присвирья вепское влияние продолжало проникать и на этапе активного карельского освоения.

В свою очередь, карельская по своим истокам топонимия Сямозерья обнаруживает значительную идентичность с топонимией прилегающих с юга и юго-запада территорий Олонецкого перешейка, что может рассматриваться как доказательство единых истоков карельского освоения территории.